

Плоцкая Ольга Андреевна, Кухарчук Арина Витальевна

ИНСТИТУТЫ УГОЛОВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ У КОМИ (ЗЫРЯН) В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В статье представлен анализ обычно-правовых норм, регулировавших институты уголовного и административного права у коми (зырян) в XIX – начале XX в. Особое внимание уделяется рассмотрению причин неразвитости институтов уголовного и административного права в обычном праве у коми (зырян). Предприняты попытки выявления закономерностей развития уголовно-правовых институтов у коми (зырян), существовавших в период с XIX по начало XX в., регулировавшихся обычно-правовыми нормами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/9-2/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 131-135. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

METHODOLOGY OF STUDYING ART AS SPHERE OF GENDER RESEARCHES

Perel'man Irina Vladimirovna
State Institute of Art Criticism
perelman7655@mail.ru

The article is devoted to the synthesis of two directions of classical knowledge: art criticism and gender researches. It reveals the methodology variant of the gender reading of artistic image, conveying human behaviour, and substantiates the degree of correlation between the notions "gender" and "artistic image". The possibility of gender history reconstruction through the symbolic meaning, represented in the works of art, is analyzed. The author pays special attention to the analysis of the notions "artistic image", "symbol", "sign", "gender", "gender representation".

Key words and phrases: artistic image; symbol; sign; gender; gender representation; cultural designs.

УДК 340.130

Юридические науки

В статье представлен анализ обычно-правовых норм, регулировавших институты уголовного и административного права у коми (зырян) в XIX – начале XX в. Особое внимание уделяется рассмотрению причин неразвитости институтов уголовного и административного права в обычном праве у коми (зырян). Предприняты попытки выявления закономерностей развития уголовно-правовых институтов у коми (зырян), существовавших в период с XIX по начало XX в., регулировавшихся обычно-правовыми нормами.

Ключевые слова и фразы: правовой обычай; институты уголовного права; (коми) зыряне; правовое воспитание; обычно-правовые отношения; проступок; преступление.

Плоцкая Ольга Андреевна, к.ю.н., доцент

Кухарчук Арина Витальевна

*Сыктывкарский государственный университет
olga.plochkaya@mail.ru; alevi3@yandex.ru*

**ИНСТИТУТЫ УГОЛОВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА
В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ У КОМИ (ЗЫРЯН) В XIX – НАЧАЛЕ XX В. ©**

Исследование институтов уголовного права в обычном праве у коми (зырян) в XIX – начале XX в. сегодня представляется все более актуальным. Обычно-правовое регулирование жизнедеятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации, в контексте этноправовых традиций играет значительную роль в правовом пространстве нашей страны. Сегодня необходимо учитывать сформированные в течение многих веков особенности обычно-правовых систем субъектов, входящих в состав РФ. Это, в свою очередь, повысит эффективность всей правовой системы России. Особенно это актуально в уголовно-правовых отношениях, которые формировались на основе обычно-правовых норм и традиционных воззрений зырянского народа.

Уголовно-правовые отношения являлись одной из менее разработанных сторон обычного права у коми (зырян), регламентировавшего наиболее важные правила поведения, среди которых выделялась группа особых правил, нарушение их могло привести к нежелательным последствиям не только для нарушителя, но и для всей семьи, к которой он принадлежал. Если учесть, что до второй половины XIX века у коми (зырян) существовали нераздельные семьи, которые были распространены в отдаленных от центра районах в верховьях рек Вычегды, Печоры, состоявшие из 30-50 человек, то вполне понятно, что подобные негативные последствия, возникшие после совершения противоправного деяния их соплеменником, могли быть применены ко всем членам семьи. Хотя «во второй половине XIX века наблюдается уменьшение численности большой семьи, так как начинается процесс интенсивных семейных разделов» [9, с. 18], о чем свидетельствуют подворные переписи 1872 года, тем не менее негативные последствия от совершения антиобщественного деяния одним из членов семьи могли отразиться на всех ее членах. Поэтому подобные правила поведения охранялись членами зырянских общин.

Специальное комплексное изучение институтов уголовного права в обычном праве у коми (зырян) в XIX – начале XX в. не составляло самостоятельного предмета исследования научных работ. Однако различные аспекты уголовно-правовых отношений, виды преступлений и наказаний неоднократно находились в центре внимания российских ученых в различные периоды.

В дореволюционной российской литературе некоторые вопросы, посвященные видам преступлений и проступков, распространенных у коми (зырян) в прошлом, рассматривались в работах М. Михайлова, И. Попова, Ф. А. Арсеньева, Н. Е. Ермилова.

В научных трудах советских ученых раскрывались общие сведения о традиционном поведении коми (зырян), о морально-нравственных качествах коми (зырян), имевших правовой характер. В работах предпринимались попытки показать синкретизм правовой, религиозной, языческой (поклонение духам) морали, влияющий на характер уголовно-правовых отношений у коми (зырян), а также этнические особенности понимания противоправного деяния [4, с. 351].

В современных исследованиях практически нет специальных юридических работ, посвященных изучению институтов уголовного права, его роли в обычном праве у коми (зырян) в XIX – начале XX в. Отдельные работы в рамках историко-правовых, этнографических исследований [7, с. 162-167] частично касались традиционных взглядов на правовое поведение и формирование правового образца поведения у народов Европейского Севера, некоторых институтов уголовного права в обычно-правовом понимании этих народов.

Однако рассматриваемая проблема как правовое явление по своей сущности долгое время не подвергалась правовому научному анализу, что обосновывает необходимость и актуальность проведения исследования в означенной сфере. В настоящей работе предпринята попытка проведения анализа институтов уголовного права в обычном праве у коми (зырян) в XIX – начале XX в., а также форм и способов регулирования их обычно-правовыми нормами.

Понимание преступного деяния в российском законодательстве на протяжении XIX в. было неразрывно связано с развитием науки уголовного права, а также с тем, что в отечественной уголовно-правовой доктрине велись оживленные дискуссии по поводу законодательной конструкции понятия преступления: должна ли она охватывать материальный признак или ограничиваться формальным, либо сочетать то и другое. При этом все ее участники соглашались, что в реальной жизни и в теоретической трактовке материальное понятие преступления очевидно. Однако законодательная позиция на этот счет не раз менялась.

Так, «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1832 г. и в редакции 1842 г. предлагало формальное определение преступления как деяния, запрещенного законом под страхом наказания. В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» Российской империи 1845 г. содержалось следующее определение преступления: «всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей или же на право или безопасность общества или частных лиц, есть преступление» [19, с. 215].

В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» редакции 1857 г. социальное (материальное) содержание преступления раскрывалось путем перечня объектов, на которые посягает преступное деяние: нарушение закона, которое включает в себя «посягательство на неприкосновенность прав Верховной Власти и установленных ею властей или на права или безопасность общества или частных лиц» (ст. 1). Однако в редакциях 1866 и 1885 гг. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» вновь вернулось к формальной дефиниции преступления: «преступлением или проступком признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания законом запрещено» [Там же, с. 222-223].

Тем самым фактически впервые в отечественном уголовном законодательстве адекватно, с позиций уголовно-правовой науки, было сформулировано определение преступления с учетом определения объекта преступного посягательства (формального либо материального). В дальнейшем такое понимание преступлений сохранялось, равно как и деление преступлений на виды по степени их общественной опасности.

Вместе с тем необходимо отметить, что наряду с законодательными определениями преступления в России со второй половины XIX в. стали появляться теоретические дефиниции преступления, вырабатываемые наукой уголовного права.

Так, например, в 1875 г. в своем элементарном учебнике общего уголовного права А. Ф. Кистяковский определяет преступление как «нарушение закона, установленного для ограждения безопасности и благосостояния граждан, нарушение юридически вменяемое, совершаемое посредством внешнего положительного или отрицательного действия, по характеру своему состоящее или из насилия, или обмана или небрежности» [8].

Таким образом, преступление определялось по признаку противоправности, а также по такому признаку, как опасность деяния для общества либо физических лиц. В позитивном праве социальное (материальное) содержание преступления раскрывалось путём перечисления перечня объектов посягательства – права верховной власти либо установленных ей властей, а также физических лиц.

Необходимо отметить, что, несмотря на наличие централизованного государства в рассматриваемый период, а также на существование интегрированных общегосударственных законодательных норм, тем не менее писаное государственное право полностью не регулировало всю хозяйственно-экономическую и правовую жизнь зырянской общины, а соответственно, и не могло заменить обычно-правовые нормы, так как экономическая замкнутость хозяйств при их региональных особенностях, социальная обособленность отдельных групп коми населения создавали условия для бытования специфических обычно-правовых норм, регулировавших уголовно-правовые отношения.

У коми (зырян), к сожалению, полных письменных памятников обычного права, которые фиксировали распространённые образцы должного поведения, а также устанавливали основы судебного процесса, не найдено. Представления о противоправности и антиобщественности совершаемого деяния формировались в обычном зырянском праве. Выделить и разделить уголовно-правовые нормы от иных в обычном зырянском праве трудно, так как обычно-правовая норма несет в себе не только материальную часть, но и, как правило, содержит морально-нравственную, религиозную, а порой и языческую характеристики. Причина этого явления состоит в том, что обычное зырянское право было синкретизировано с религиозно-моральными воззрениями,

существовавшими в народе. Так, по мнению Н. Е. Ермилова, «косвеннымъ доказательствомъ честности зырянъ служить отсутствіе в ихъ языке кореннаго собственнаго слова, означающаго понятіе –воровство». По ижемскому наречію воръ обозначается словомъ –гусьясьсь», которое производится от русскаго же слова –гусь» (подобно выраженію –вогъ такъ гусь!»)» [6, с. 103]. В коми языке в XIX веке даже не существовало специального понятия, обозначающего преступника. Ввиду того, что у зырян в рассматриваемый период не существовало даже понятия, обозначающего субъекта, совершившего преступное деяние, можно сказать, что разработанность уголовно-правовых институтов в обычном праве была невысокой. Также необходимо отметить, что уровень правовой культуры и правового воспитания зырянского населения, который основывается на нравственном сознании, был достаточно высок, так как отдельная личность стремилась поступать в соответствии с предписаниями обычно-правовых норм, вырабатывавшихся веками. На правовое воспитание зырян влияли религиозные нормы, определяя морально-нравственный облик индивида, основываясь на принципах всепрощения, уважения и почитания родителей, порицания антиобщественных и противоправных действий, таких как кража, грабеж, убийство и др., а также языческие взгляды на природу. Так, необходимо было почитать, наделять особой силой лесные деревья, лесных духов, так как любые аморальные и противоправные действия, с позиции правосознания зырянина, приводили к мести духов, которые являлись хозяевами леса или реки. Мести духов боялись больше, чем правовой нормы, закрепленной в любом источнике позитивного права. Запрещалось валить лишнее дерево, а к природе необходимо было относиться как к живому существу и брать от природы можно было лишь столько, сколько необходимо человеку для жизни. Подобные запреты у зырянских охотников превращались в поверье, так как нарушение этих запретов могло разозлить духов, которые являлись хозяевами леса. Поэтому действие подобных «обычно-правовых табу» являлось для зырянина обязательным для исполнения, несмотря на то, что нормы позитивного права могли и не регулировать данный вид правоотношений. У зырян закладывались обычно-правовые нормы, моральные идеалы, нравственные ценности, которые отражались в сознании человека и считались основными жизненными целями. Зыряне сознательно приобщали подрастающее поколение к тем ценностям, которые образуют правовой, духовный мир самого этноса. Накапливаясь веками, нравственный потенциал правовых ценностей являлся основанием регулирования поведения индивида. Любой противоправный поступок становился известным всем общинникам, которые, прежде всего, морально порицали поведение правонарушителя. Подобное порицание являлось достаточно действенным наказанием. В этноправе моральные отношения в традиционном обществе долговечны, устойчивы, прочны, они играют значимую роль, являясь фундаментом для существования традиционного общества, именно они определяют привычную систему правовых ценностей. Поэтому противоправные деяния совершались редко.

Однако в обычном зырянском праве четкого разграничения между уголовными преступлениями и административными проступками не существовало. Поэтому обычное право выделяло ряд проступков. Так, во время ведения промысла выделялись такие проступки, как неуважение к товарищу, сквернословие, сварливость, уклонение от коллективных работ по лагерю. Подобные проступки подвергались строгому осуждению со стороны соплеменников, морально-нравственному наказанию. Однако были и особо тяжкие проступки, к которым относилась, например, проявленная трусость на промысле в критической ситуации либо оставление на промысле в беспомощном состоянии соплеменника. Эти проступки существовали в промысловой морали, которая представляла собой комплекс правил, обязывающих охотников выручать друг друга, честности при производстве раздела добычи, достойному поведению в промысловом коллективе, включающий нормы общения с природой. За нарушение норм промысловой морали существовало не только морально-нравственное наказание, например, за кражу добычи (улова) или производство промысла на чужом участке взыскивалась с виновника половина или даже вся добыча в пользу пострадавшего. При рецидиве деяния к вышеназванной форме наказания добавлялось такое физическое позорящее наказание, как сечение розгами и изгнание на несколько лет из промысловых угодий. Существовали и исключаяющие вину обстоятельства. Таким, например, обстоятельством являлась добыча на чужой территории рыбы, птицы, зверя, но только с единственной целью – для собственного пропитания. «Считалось большим правонарушением убить белку, на которую лает в лесу собака другого охотника; убить зверя, раненого другим охотником» [10, с. 152].

В правовой жизни коми (зырян) происходили случаи, когда обычное право многие деяния не рассматривало как уголовно-наказуемые. Однако позитивное право эти же деяния оценивало как таковые. Так, несмотря на запрет проведения расчисток в казенных дачах и лесах, зырянское население, руководствуясь обычно-правовыми воззрениями, продолжало эти земли эксплуатировать. «Когда въ конце XVIII и въ началъ XIX столетій, по указу 1765 года, было выполнено на севере генеральное межеваніе, внутри дачъ этого межеванія населенію было представлено свободное право производства расчистокъ и разделки земель, а въ казенныхъ дачахъ и лесахъ расчистки были совершенно запрещены» [1, с. 36]. И хотя расчистки в казенных лесах были запрещены, однако население вторгалось в пределы государственных земель, разрабатывая их и эксплуатируя с сельскохозяйственной целью, несмотря на запретительные меры, существовавшие вплоть до начала 60-х годов XIX века. Происходило это потому, что Указ 1765 года противоречил обычно-правовому пониманию и мировоззрению, складывавшимся веками в народе, он, по словам М. А. Большакова, «совершил колоссальный юридический переворот» [5].

Аналогичным случаем, когда обычное право позволяло совершать определенные действия и не считало это преступным деянием, в отличие от позитивного права, являлось похищение невесты без ее предварительного

согласия или без согласия ее родителей. Так, газета «Югд туй» за 1927 г. упоминала о незаконном похищении женщины с целью заключения брака. «В с. Чупрове (Усть-Вымского уез.) 16 февраля, часов в 8 вечера группа людей из д. Верхозерие схватили одну девушку, насильно посадили в сани и увезли. Родители девушки, узнав о похищении дочери, сразу же пустились в погоню и в 8 верстах от деревни ее отбили. Оказывается, одному молодому человеку из дер. Верхозерие захотелось жениться. Ему, как видно, понравилась девушка из Чупрова, и он, не спрашивая желаний ни родителей, ни девушки, как вещь хотел взять ее в жены.

На другой день в то же время с ревом, с шумом подъехали на двух подводах к одному дому те же люди. Там на вечеринке мирно сидели девушки. Приехавшие ввалились в дом, бросились на ту же девушку и, несмотря на плач и сопротивление девушки, вывели и опять увезли. Дома — жених — запер — весту», чтобы она не могла убежать. Только с помощью милиционера родителям удалось освободить девушку из ее места заточения» [18]. Красть невесту — это обычай, применявшийся у коми (зырян) веками. Нормы же позитивного права определяют это деяние как уголовно-наказуемое.

Однако, в связи с тяжелым экономическим положением некоторых крестьян, необходимо отметить, что зырянами совершались противоправные деяния. Чаще всего это были кражи. Так, у северных зырян распространено было оленекрадство и конокрадство. Крали они, как правило, на ярмарках у остяков. «...Остяки... сами подвергаются кражам оленей во время обдорской ярмарки. Воры преимущественно зыряне, обделяют свое дело ловко. Заметив в окрестностях Обдорска, где располагаются инородцы с чумами, стадо оленей или часть его вдали от хозяйского глаза, они отгоняют оленей и гонят их по хорошо выбитой дороге в Обдорск...» [12, с. 44]. «Кражи и обман, прежде небывалые на слуху, расплодилось в последнее время довольно в больших объемах, затмевая племенное достоинство зырян; а нужда и голод, чиновничьи власти и сознание собственных своих нечистых дел и кой-каких довольно видных грешков — согнули твердые и смелые их характеры в раблепное искательство и безответную покорность» [2], — считает Ф. А. Арсеньев.

Но честный и добросовестный характер всего зырянского народа не должен пострадать. Ради справедливости приведем несколько высказываний исследователей XIX века, свидетельствующих об отсутствии воровства у зырян. «Теперь же скажем несколько слов о честности зырян — качество, молва о котором распространена широко. Говорят, что в Петербурге зырянская прислуга весьма ценится, — именно вследствие уверенности в ее бескорыстии. Воровства разных видов между зырянами не водится» [17, с. 137]. «Скажем к чести зырян и утешению нравственности, что бывали времена, когда нарушителей законов вовсе не было и места заключения оставались пустыми» [15]. В гражданско-правовых отношениях между собой коми (зыряне) использовали правовой обычай, способствовавший устному заключению договоров, давая «честное слово». «Доказательством честности зырян служить отсутствие замков и в настоящее время: все помещения, даже амбары с имуществом и хлебом запираются простым деревянным засовом» [6, с. 62]. Честно делили и добычу, не допуская обмана, кражи, утайки, а соответственно, не создавая основания для совершения уголовно-наказуемых деяний. «При дележе нет даже и намеку о том, что такому-то посчастливилось меньше прочих. Обмана и утайки при этом никогда не бывает: охотники убеждены, что если кто скроет хотя малейшую часть лова, то навсегда лишится искусства стрелять» [10, с. 77].

О неразработанности уголовно-правовых институтов свидетельствует отсутствие необходимости в них. Если правовой институт не применяется либо применяется нечасто, то, как правило, нормы обычного права его детально не регулируют. Так, к примеру, не было необходимости закрывать дома на замок, так как кражи совершались крайне редко, и каждый, боясь «религиозно-морального возмездия», боялся посягать на имущество другого; не существовало обмана при займе денег, так как зырянское население не только соблюдало нормы зырянского обычного права, но и связанные с ними религиозно-моральные установки.

«В глухих местах замки были до сих пор неизвестны, и если иногда запираются амбары и кладовые, то не от людей, а от животных. Если хозяин дома, почему бы то ни было, не желает, чтобы во время его отсутствия к нему входили посторонние, то ставит у дверей пас, т.е. коромысло или простую палку наискось — и это служит лучше всякого замка. Тогда немного было замков; воры редкие находились (воры были редки): все своим трудом пропитывались; умаялись ли запасы — соломы лучше подбавляли, нежели кабелили себя, содержа семейство! У кого денег не хватало — друг друга сужали (ими), обратно честно рвались отдать (с рвением отдавали); обмана, проволочки не соблюдали (не делали), из лести не дружились» [Там же].

Архивные данные позволяют сказать, что зыряне были страстными сутягами, т.е. склонны затевать судебные процессы и разбирательства по различным поводам. Как упоминает К. А. Попов, это стремление судиться, как своеобразное пристрастие к ведению судебных тяжб, было заимствовано зырянами у русских.

«Гораздо справедливее обвинение в сутяжничестве. Едва ли в России этот порок достигает таких размеров, как в зырянском крае. Этот порок бесспорно привился извне. У предков зырян если и был суд, то, во всяком случае, не было длинного ряда инстанций; если и была какая-нибудь администрация, что весьма сомнительно, если не считать администрацией патриархальный распорядок, то в ней также было много инстанций, и она не дробилась между множеством властей, обязанности и права которых смешивались и перекрещивались. Следовательно, при таком порядке вещей сутяжничество было немислимо, физически невозможно. Поэтому очевидно, что оно вызвано было русскими судебными-административными порядками» [17, с. 141].

Нужно отметить, что попытка населения рассматривать спорные вопросы в суде свидетельствует не только о возрастающем доверии к государственному судебным органам, но и о постепенной конвергенции норм позитивного и обычного права, а точнее переходе от мирского суда, основанного на обычно-правовых нормах, к государственным судебным инстанциям, где вынесение приговора основывалось на нормах позитивного права.

Подводя итог, необходимо отметить неразвитость и синкретизм институтов уголовного и административного права в обычном праве у коми (зырян) в XIX – начале XX в. Кроме того, в зырянском обычном правовом понимании широкое распространение получили именно проступки, а не преступления. Обычное зырянское право было синкретизировано также с религиозно-моральными воззрениями, существовавшими в народе, что, в свою очередь, не позволяло выделить уголовно-правовые нормы отдельно.

Список литературы

1. Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII – начало XIX в. М.: Издательство «Наука», 1984. 253 с.
2. Арсеньев Ф. А. Зырянская корреспонденция // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / общ. ред. В. А. Лимеровой. Сыктывкар: Издательство «Кола», 2010. 520 с.
3. Арсеньев Ф. А. Хозяйственно-статистический очерк Вологодской губернии за 1869 г. Вологда: ЛиС, 1873. 154 с.
4. Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми (зырян и пермяков) // Труды Института этнографии АН СССР. М., 1958. Т. 45.
5. Большаков М. А. Община у зырян // Живая старина. 1906. Вып. 1.
6. Ермилов Н. Е. Поездка на Печору: путевые заметки. Архангельск: Издательство «Губернская типография», 1888. 103 с.
7. Иванова Ж. Б., Плоцкая О. А. Рыболовство, оленеводство и охота как одно из условий материального существования социума коми и других народов Севера России // Перспективы развития научных исследований в 21 веке: материалы 1-й Международной научно-практической конференции (31 января 2013 г.). М., 2013.
8. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев: Университетская типография, 1875. Т. 1. Общая часть. 438 с.
9. Краева И. Ю. Традиционная коми семья: особенности воспитания. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2010. 112 с.
10. Михайлов М. И. Физические и нравственные свойства зырян // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / общ. ред. В. А. Лимеровой. Сыктывкар: Издательство «Кола», 2010. 520 с.
11. Очерки по истории Коми АССР / под ред. К. В. Сивкова. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1955. 351 с.
12. Пахман С. В. Очерк народных юридических обычаев Смоленской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. XVIII. Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900.
13. Пахман С. В. Сборник народных юридических обычаев. СПб.: Тип. В. Киршбаума, А. С. Суворина, 1900. Т. 2. 438 с.
14. Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1968. 319 с.
15. Попов А. Е. Мнение о происхождении зырян и очерк некоторых их свойств // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / общ. ред. В. А. Лимеровой. Сыктывкар: Издательство «Кола», 2010. 520 с.
16. Попов И. Черты из быта, нравов и обычаев зырян Яренского уезда, Удорского края // Вологодские губернские ведомости. 1875. № 90.
17. Попов К. А. Зыряне и зырянский край // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / общ. ред. В. А. Лимеровой. Сыктывкар: Издательство «Кола», 2010. 520 с.
18. Похищение невесты // Югид туй. 1927. № 26.
19. Российское законодательство X-XX вв. / отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. 512 с.
20. Традиционная культура народа коми: этнографические очерки / общ. ред. и сост. Н. Д. Конаков. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1994. 272 с.

**INSTITUTIONS OF CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE LAW IN COMMON LAW
OF KOMI (ZYRIAN) PEOPLE IN THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY**

Plotskaya Ol'ga Andreevna, Ph. D. in Law, Associate Professor

Kukharchuk Arina Vital'evna

Syktvykar State University

olga.plockaya@mail.ru; alevi3@yandex.ru

The article presents the analysis of common-legal norms that regulated the institutions of criminal and administrative law of Komi (Zyrian) people in the XIXth – the beginning of the XXth century. Particular attention is paid to the consideration of reasons of the underdevelopment of criminal and administrative law institutions in common law of Komi (Zyrian) people. The attempts are undertaken to reveal the patterns of development of Komi (Zyrian) people criminal-legal institutions that existed from the XIXth till the beginning of the XXth century and were regulated by common-legal norms.

Key words and phrases: legal practice; institutions of criminal law; (Komi) Zyrian people; legal education; common-legal relations; offense; crime.